

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА А.Ф. КЕРЕНСКИЙ И ЕГО ОБРАЗ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 Г.: ПАРАДОКСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Одной из важнейших коммеморативных практик традиционно считается деятельность профессионального исторического сообщества, направленная на конструирование и ретрансляцию специфических моделей прошлого. В рамках указанной проблематики основным предметом статьи становится восприятие отечественными историками процессов мифологизации фигуры А.Ф. Керенского в революционных событиях 1917 года. Особое значение придается трансформации историографических подходов к осмыслению вышеуказанного феномена.

Ключевые слова: А.Ф. Керенский, русское зарубежье, историография, мифологизация, революция 1917 г.

One of the most important commemorative practices is traditionally considered to be the activity of professional historians aimed at constructing and reinterpreting specific models of the past. Within this framework, the main subject of the paper is Russian historians' perception of the processes of mythologisation of A.F. Kerensky in the revolutionary events of 1917. Particular importance is attributed to the transformation of historiographic approaches to understanding the said phenomenon.

Keywords: A.F. Kerensky, Russian diaspora, historiography, mythologisation, 1917 revolution.

Изучение исторических нарративов и процессов формирования национальной памяти является одной из значимых областей современной славистики, фокусирующейся на комплексном исследовании культур и истории славянских народов. В контексте обозначенного проблемного поля нельзя не обратиться к революционным событиям 1917 г. в России. Равно как и исторические персоналии, участвовавшие в них, эти события известны современному человеку в искаженной вариации: свою роль сыграли мифы и слухи, прочно закрепившиеся в общественном сознании.

* <https://orcid.org/0009-0008-4778-1568>

** Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Интеллектуальная история как инструмент исторической экспертизы» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Применительно к фигурам ключевых деятелей 1917 г. процесс данной мифологизации происходил в соответствии с новыми веяниями в политической культуре России – появлением еще в начале XX в. нового типа политика – мастера ораторского искусства (Федюк 2019: 204). Фигуры таких «вождей революции», в частности, А. Ф. Керенского, непременно обрастали различными мифами и слухами. Описывая массовое политическое сознание «молодой демократии» лидер социалистов-революционеров В.М. Чернов писал о неумеренной «персонификации» идей, о «фетишизме личностей», имея в виду, вероятно, самого А. Ф. Керенского (Колоницкий 2023: 103).

В отечественной исторической науке трактовка личности А. Ф. Керенского тоже вышла весьма многообразной: советские и современные российские специалисты ввиду различия теоретико-методологического инструментария приходили к разным, зачастую диаметрально противоположным заключениям. Вследствие этого автору кажется необходимым обозначить общие для отечественных историков тенденции восприятия мифов, сложившихся вокруг фигуры А. Ф. Керенского в межреволюционный период 1917 г., а также проследить трансформацию историографических подходов к изучению данного феномена.

На первый взгляд, применительно к советской историографии говорить об осмыслении значения Керенского в отечественной истории в целом и мифологизации его образа в частности не приходится. Свою роль в этом сыграли общепринятый в науке монометодологизм, ориентированный на теоретические основания марксизма-ленинизма, а также сведение любых исследований к социально-экономическим изысканиям. В итоге после событий Октября 1917 г. в советской исторической науке надолго закрепился низкий интерес к изучению различных аспектов жизни и деятельности политика. Однако не все было столь однозначно.

Первые серьезные исследования, в которых личность А. Ф. Керенского подвергалась более глубокой рефлексии, увидели свет лишь в середине 1920-х гг., благодаря Д. Ф. Сверчкову – деятелю российского социал-демократического движения, драматургу, прозаику и сценаристу. Автор работ, что примечательно, смог абстрагироваться от бытовавших уже к тому времени слухов. В частности, он не только избежал упоминания о проживании политика в покоях бывшей императрицы Александры Федоровны (согласно другой версии – императора Александра III) (Сверчков 1926: 185; 1927: 48), но и отказался от эксплуатации популярного на тот момент мифа о бегстве Керенского в женском платье (Сверчков 1926: 251; 1927: 132). Единственный миф, который все же проник на страницы работ Д. Ф. Сверčkова – это слух о пребывании Керенского на юге России вместе с казачьими

отрядами атамана Каледина, боровшимися с силами большевиков (Сверчков 1926: 252; 1927: 133).

Такой подход к осмыслению жизни и деятельности политика относительно последующих установок, закрепившихся в историографии, выносит работы Д. Ф. Сверчкова из общего ряда традиционных советских исследований. Вероятно, причиной тому послужила общая атмосфера, которая сложилась к тому моменту в исторической науке. После спада революционного насилия, связанного с красным и белым террором периода Гражданской войны, на определенное время в научной среде возникла возможность относительно мирного сосуществования различных исследовательских стратегий, направлений и школ (Долгова 2013: 166–172). Кроме того, в историческую науку только начинало проникать общеобязательное обращение к концептуальным наработкам идеологов марксизма-ленинизма, связанное уже со сталинской эпохой. К 1930-м гг. атмосфера относительной методологической свободы фактически сошла на нет.

В 1930-е гг. руководство Советского Союза окончательно осознало необходимость единообразного систематизированного изучения истории и формирования научного взгляда на прошлое (Шашахметов 2019: 149). Так, например, «Вульгарно-социологический» подход к историческому знанию был признан несостоятельным, а исследователи, придерживавшиеся его методологии, подверглись жесткой критике и оказались вытеснены на периферию научной жизни. Характерным примером подобного изгнания стал М. Н. Покровский, чья школа и концепции подверглись особенно резким нападкам еще при жизни историка.

В результате исторические исследования начали создаваться в русле общеобязательных идеологических и фактологических ориентиров, закрепленных в «Кратком курсе истории ВКП(б)» 1938 г. На долгие годы «Краткий курс» стал образцом учебного пособия для политработников нового типа в целом и нормативного канона историописания в частности. Именно в нем окончательно закрепились догматизированные версии ряда ключевых событий 1917 г., среди которых – мифологема о сговоре А. Ф. Керенского с генералом Л. Г. Корниловым и небезызвестный сюжет о бегстве политика из Зимнего дворца в женском платье.¹ Все это поспособствовало очередному закреплению мифологем. Примечательно, что элементы мифотворчества революционного периода – следствие политических неудач Временного правительства (Новак и др. 2025: 180–181) – продолжали сохранять свое прежнее положение: зародившиеся в период стремительного падения авторитета

1 Более подробно о подобных установках «Краткого курса» (См.: История всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). 1938: 192, 201)

политика в августе-октябре 1917 г., они перекочевали в историческую науку советского периода, где благодаря «Краткому курсу» укоренились на долгие годы.

После кончины Сталина и развенчания культа его личности в советской исторической науке обозначились определенные трансформации исследовательской парадигмы. XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 г., в особенности инициировал процесс постепенного возвращения к «ленинским нормам» в деятельности партийных и государственных структур, а также переоценке сложившейся историографической традиции, сформировавшейся в сталинскую эпоху. Так, например, на данном съезде критическому осмыслению подвергся «Краткий курс истории ВКП(б)», который, как обозначалось выше, задавал нормативные рамки исследования исторических событий как в их ретроспективной трактовке, так и в актуальной политической.

Новые тенденции вызвали положительный отклик в профессиональной исторической среде. Несмотря на многолетнее идеологическое давление, значительная часть исследователей сумела сохранить навыки научного анализа источников. В этот период расширился доступ к архивным материалам, активизировались публикации документальных сборников и мемуарной литературы. Вместе с тем наследие уходящей эпохи продолжало оказывать ощутимое влияние: политическая система сохраняла устойчивость и стремилась контролировать процесс освобождения общества от монополии единомыслия (Шалаева и др. 2022: 186).

Однако несмотря на то, что руководство страны декларировало поддержку возрождения творческой инициативы в среде историков, с его стороны сохранялась одновременная настороженность в отношении «чрезмерной самостоятельности» советских историков при интерпретации событий прошлого. Те исследователи, чьи выводы выходили за пределы дозволенного властью подхода, нередко становились объектами критики (Шалаева и др. 2022: 187–192).

Таким образом, значительная часть историков продолжала воспроизводить установки «Краткого курса», что выражалось в систематическом нивелировании активного участия Керенского в событиях Февральской революции и акцентировании внимания на его предполагаемом соглашательстве, бонапартистских устремлениях и сговоре с Корниловым. Фигура политика и его роль в революционных событиях 1917 г. традиционно осмыслялись историками московской (Э. Н. Бурджалов, Л. С. Гапоненко, И. И. Минц, И. М. Пушкарева, Е. Д. Черменский) и ленинградской (Г. Л. Соболев, Ю. С. Токарев) школ через категории избобличительного тол-

ка и традиционные для советской историографии мифологемы, о которых упоминалось выше.²

Тем не менее, в условиях такой интеллектуальной стагнации и противоречивости социального развития в Советском Союзе в третьей четверти XX века складывались предпосылки для формирования диссидентского движения, идеи которого, циркулируя в обществе, способствовали постепенному ослаблению авторитета официальной идеологии и формировали социально-политические предпосылки для будущих перемен 1980-х – 1990-х гг.

Применительно к историографии 1980-х гг. необходимо понимать, что, по словам некоторых современных исследователей, к этому времени советская историческая наука все еще представляла собой достаточно устойчивую систему производства и трансляции научного знания (Логоунов 1996: 449; Метель 2021: 32). Большинство авторских размышлений, не вписывавшихся в идеологические установки, как и прежде выносились за скобки исследований, предполагая возможность читателя самостоятельно разглядеть изначальный замысел.

В то же время начинала зарождаться качественная переориентация специалистов на изучение ранее периферийных сюжетов, которые все более открыто выносились на всеобщую критику. Так, новой категорией осмысления фигуры Керенского стала его принадлежность к масонским организациям, например, «Великому востоку народов России» и ее влияние на карьерный рост политика. Однако необходимо отметить, что сам по себе данный факт из биографии политика мифом не является: об этом в своих мемуарах упоминал и Керенский (Керенский 1993: 62). Примечательным здесь представляется некоторая общая тенденция в интеллектуальном поле советского общества 1980-х–1990-х гг.: повышение интереса к альтернативным моделям общественного развития и так называемым теориям заговора.

В данном отношении симптоматичным видится научное творчество В. И. Старцева, одного из основоположников «ленинградской школы историков революции 1917 года», образовавшейся в конце 1960-х гг. при Ленинградском отделении Института истории АН СССР (ЛОИИ) (Семанов 2008: 235). Историк впервые среди исследователей марксистско-ленинского толка обратился к табуированной в рамках советской идеологии теме масонства, что, к слову, вызвало бурную реакцию в научном сообществе. Так, например, академик АН СССР, выпускник Института красной профессуры И. И. Минц неоднократно критиковал указанный подход ученого (Семанов 2008: 236). Л. М. Спирин, в свою очередь, опираясь на установки В. И. Ленина и «Крат-

2 Подробнее о личности А. Ф. Керенского и его роли истории России межреволюционного периода 1917 г. (См.: Бурджалов 1967; Гапоненко, Соболев, Токарев 1963; Минц 1977; Пушкарёва 1982; Черменский 1976).

кого курса», дал российскому политику уничижительную характеристику (Спирин 1987: 197, 199, 210). Ответом на непрекращающуюся критику стало написание Старцевым статьи «Русское политическое масонство 1906–1918 гг.» (Старцев 1990), в которой тот более подробно разложил собственную концепцию.

Период Перестройки позволил В. И. Старцеву не только продолжить исследования по намеченной ранее линии, но и раскрыть зависимость успеха Керенского на политической арене (во Временном правительстве и Исполкоме Петроградского Совета) от его вхождения в масонскую организацию «Великий восток народов России» (Старцев 1989, 1990, 1996). В общем и целом конец 1980-х–1990-е гг. стали для отечественной исторической науки началом парадигмального излома: наряду с изменением теоретико-методологических оснований исследований менялись и интересы к определенным предметным областям.

Обозначенные В. И. Старцевым тенденции, в роде связей А. Ф. Керенского с масонами, получили распространение в работах Г. З. Иоффе, ученика И. И. Минца. Историк обращался к фигуре Керенского, следуя установкам своего научного руководителя: рисуя политика ярко и тенденциозно (Иоффе 1986, 1989). Однако, в отличие от научного наставника, он продолжил развенчание мифов вокруг персоналии, обрушившись в своей работе сразу на несколько из них: о еврейской принадлежности политика, о его жизни в Зимнем дворце, о разводе и свадьбе на артистке с царскими атрибутами власти (Иоффе 1995: 158), а также, пожалуй, о самом известном мифе – бегстве Керенского в женском платье (Иоффе 1995: 187, 188). Сам А. Ф. Керенский опровергал мифы неоднократно, в особенности – на встрече в 1966 г. с советским журналистом Генрихом Боровиком.

В общем и целом для отечественной исторической науки 1990-е гг. оказались плодотворными: на изломе прежних теоретико-методологических оснований зародился идеологический плюрализм. Интеллектуальное поле отечественной гуманитаристики наполнилось новыми веяниями, удивительным образом наслонившимися на советские установки. В результате личность Керенского в очередной раз получила двоякую трактовку.

Так, например, Голиков А. Г. в соответствии с новыми научными запросами обратился к изучению эволюции феномена Керенского в марте – октябре 1917 г. в сознании современников, одновременно отметив контрреволюционный характер корниловского мятежа и отсутствие сговора главнокомандующего с Керенским, как это зачастую было принято считать в советской традиции историописания (Голиков 1992). В то же время научные труды представителей советской школы, в роде Г. Л. Соболева (Соболев 1993), создавались в прежнем русле.

Установилась некоторая двойственность подходов к изучению Корниловского мятежа: Н. В. Четвертков утверждал, что мятеж стал результатом деятельности реакционных сил (Четвертков 2001: 141). Кроме того, в его интерпретации исторических событий 1917 г. фигура Керенского подлежала обелению, характерному для тенденции отечественного историописания 1990-х–2000-х гг. В русле заданной тенденции он приобрел в работах историка образ «народного» политика, который, проживая в Зимнем дворце, сохранял простоту своего быта (Четвертков 2001: 140). Продолжил Н. В. Четвертков и популярную в те годы тему масонства (Четвертков 2001: 138). Примечательно, что исследователь обошел стороной не только миф о бегстве Керенского в женском платье, но и вовсе опустил сюжет его отступления из Гатчины.

Следует отметить, что конец 1990-х–начало 2000-х гг. в целом плодотворно сказались на развитии биографического жанра: в своих исследованиях историки-ревизионисты по-новому представили личность А. Ф. Керенского. Корниловский мятеж закрепился в сознании специалистов по истории русской революции уже не столько как некоторый акт «соглашательства», сколько как контрреволюционное противостояние двух лидеров, позволившее Керенскому окончательно консолидировать властные полномочия в своих руках (Басманов и др. 1996: 139; Федюк 2009: 274; Тютюкин 2012: 251). Слухи о расположении А. Ф. Керенского в Зимнем дворце дополнились новыми подробностями: в частности, акцент ставился на простоте быта российского политика, в то время, как его проживание в императорских покоях интерпретировалось историками как одна из причин падения его авторитета (Федюк 2009: 226; Тютюкин 2012: 202).

Наконец, пересмотру подлежали слухи о последних месяцах пребывания Керенского в России. Историкам так и не удалось привести исторические факты к общему знаменателю. Так, например, авторы коллективной монографии М.И. Басманов, Г.А. Герасименко и К.В. Гусев, а также Тютюкин С.В. придерживались версии о бегстве Керенского из Гатчины в форме матроса (Басманов и др. 1996: 141; Тютюкин 2012: 280), хотя В. П. Федюк все же настаивал на версии, связанной с одеждой шофера (Федюк 2009: 147). Однако все три работы сошлись в одном – слухи о присутствии Керенского в отрядах Каледина были ложными (Басманов И др. 1996: 147; Федюк 2009: 362–363; Тютюкин 2012: 281).

Пожалуй, одним из наиболее ярких современных российских исследователей, обращавшихся к биографии А. Ф. Керенского стал Б. И. Колоницкий, ученик Г. Л. Соболева, представлявшего «ленинградскую школу историков революции 1917 года». Отличием его работ от работ предшественников стал интерес к политической культуре первой четверти XX в. и истории об-

щественного сознания. В своих исследованиях Б. И. Колоницкий, действуя в рамках сложившейся историографической традиции, рассматривал жизнь, деятельность и культ Керенского в контексте поражения Февральской революции перед лицом Октябрьской (Колоницкий 2017), тем не менее, он сумел продемонстрировать иной подход. Так, петербургский историк впервые обратился к изучению личности Керенского через призму истории ментальности: главный интерес для него составили символы восприятия власти современниками. В рамках изучения феминизации образа российского политика Колоницкий детально изучил соответствующие символы власти, мифы и слухи межреволюционного периода.

В итоге историк дополнил подробностями и концептуализировал наиболее знаковые из них: проживание Керенского в покоях императорской четы, сон на постели Александры Федоровны, ношение ее белья и бегство из Зимнего дворца в форме медсестры (Колоницкий 2023: 98–99). Обращение к таким элементам мифотворчества, которые упоминались выше, позволили историку расширить исследовательское поле и предпринять попытку выйти с низового уровня описания образа политика на более сложные сюжеты – особенности ландшафта общественного сознания в 1917 г.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что советской историографии мифы о фигуре Керенского имели некоторый вес среди историков: перекочевав из общественного сознания периода революционных потрясений 1917 г., они укоренились в научных работах вплоть до второй половины 1980-х гг. Однако упрекать советских исследователей в пристрастии к мифам представляется некорректным: вопреки бытовавшему в массовой культуре уничижительному образу политика, их реальное применение в исторических сочинениях было сравнительно невелико.

Кроме того, в работах отечественных исследователей периода Перестройки мифологический аспект репрезентации личности Керенского подвергся осторожному ревизионизму. Усилиями историков ленинградской школы качественной переоценке подверглись такие мифы, как, например, бегство политика в женском платье. Ими же была заложена основа для более поздней деконструкции мифологизированных исторических сюжетов 1917 г. и образа Керенского. Пройдя путь от обращения к еврейскому и масонскому вопросу, которые актуализировались было в 1990-е гг., историки перешли на качественно новый уровень работы, абстрагировавшись и от иных тенденциозных установок.

В настоящее время российские исследователи, обладая всей полной теоретико-методологического инструментария современной исторической науки, беспрепятственно обращаются к сюжетам культурной и интеллектуальной истории. Результатом указанной трансформации подходов к исто-

риписанию стало создание таких исследований, где изучение мифов служит не столько выявлению некоторых массовых заблуждений, требующих исправления, сколько инструментом осмысления общественного сознания и выходом на более глобальные умозаключения.

Цитированная литература

- Долгова, Е. А. «Споры о методе в российской исторической науке в 1920-е годы». Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки 1, 2013: 166–172.
- [Dolgova, E. A. «Spory o metode v rossiiskoi istoricheskoi nauke v 1920-e gody». Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Seriiā: Politologiiā. Sotsial'no-kommunikativnye nauki 1, 2013: 166–172]
- Керенский, А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. Москва: Республика, 1993.
- [Kerenskii, A. F. Rossiia na istoricheskom povorote: Memuary. Moskva: Respublika, 1993]
- Колоницкий, Б. И. «Феминизация образа А.Ф. Керенского и политическая изоляция Временного правительства осенью 1917 года». [В:] Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Санкт-Петербург, 16 ноября 2012 г. Сборник докладов. Санкт-Петербург: Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2023: 91–103.
- [Kolonitskii, B. I. «Feminizatsiia obraza A.F. Kerenskogo i politicheskaiā izoliatsiia Vremennogo pravitel'stva osen'iu 1917 goda». [V:] Mezhvuzovskaiā nauchnaiā konferentsiia «Russkaiā revoliutsiia 1917 goda: problemy istorii i istoriografii». Sankt-Peterburg, 16 noiabriā 2012 g. Sbornik dokladov. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGĖTU «LĖTI», 2023: 91–103]
- Логунов, А. П. «Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80–начала 90-х гг». Советская историография. Москва: РГГУ, 1996: 447–487.
- [Logunov, A. P. «Krizis istoricheskoi nauki ili nauka v usloviiaĭkh obshchestvennogo krizisa: otechestvennaiā istoriografiiā vtoroi poloviny 80–nachala 90-kh gg». Sovetskaiā istoriografiiā. Moskva: RGGU, 1996: 447–487]
- Метель, О. В. «Развитие советской историографической науки во второй половине 80-х годов XX века: вызовы перестройки». Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 6, 2021: 31–47.
- [Metel', O. V. «Razvitie sovetskoi istoriograficheskoi nauki vo vtoroi polovine 80-kh godov XX veka: vyzovy perestroiki». Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriiā Gumanitarnye nauki. 6, 2021: 31–47]
- Новак, М. В., Е. В. Бычковский, К. И. Гайдуков. «Феномен революции и мифология потребления в философско-исторической перспективе». Наука. Искусство. Культура 2/46, 2025: 171–185.

- [Novak, M. V., E. V. Bychkovskii, K. I. Gaïdukov. «Fenomen revoliutsii i mifologiiã potrebleniã v filosofsko-istoricheskoi perspektive». Nauka. Iskusstvo. Kul'tura 2/46, 2025: 171–185]
- Семанов, С. Н. «Виталий Старцев летописец русской революции. Рецензия на книгу: Старцевские чтения-2006. К 75-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник воспоминаний и научных статей». Новый исторический вестник 17, 2008: 234–237.
- [Semanov, S.N. «Vitalii Startsev letopisets russkoi revoliutsii. Retenziã na knigu: Startsevskie chteniã-2006. K 75-letiiu professora Vitaliã Ivanovicha Startseva: Sbornik vospominaniã i nauchnykh statei». Novyi istoricheski vestnik 17, 2008: 234–237]
- Федюк, В. П. «Театральность и русская политическая традиция революционной эпохи». Ярославский педагогический вестник 6/111, 2019: 204–207.
- [Fedũk, V. P. «Teatral'nost' i russkaiã politicheskaiã traditsiã revoliutsionnyã èpokhi». Iãroslavskii pedagogicheskii vestnik 6/111, 2019: 204–207]
- Шалаева, С.С., Е. А. Колоярцева. «Отражение исторической наукой ценностных основ государственности советского периода середины 1950–1960-х годов». Общество: философия, история, культура 6, 2022:187–192.
- [Shalãeva, S. S., E. A. Koloãrtseva. «Otrazhenie istoricheskoi nauki tšennostnykh osnov gosudarstvennosti sovetskogo perioda serediny 1950–1960-kh godov». Obshchestvo: filosofiiã, istoriã, kul'tura 6, 2022:187–192]
- Шашахметов, Д. В. «Институционализация исторической науки в СССР в 1920-е гг. Исторические общества и дискуссии». Вестник Брянского государственного университета 1, 2019: 144–154.
- [Shashakhmetov, D. V. «Institucionalizatsiã istoricheskoi nauki v SSSR v 1920-e gg. Istoricheskie obshchestva i diskussii». Vestnik Briãnskogo gosudarstvennogo universiteta 1, 2019: 144–154]

Источники

- Басманов, М. И. Г. А. Герасименко, К. В. Гусев. Александр Федорович Керенский. Саратов: Издательство Центральной Саратовской Академии, 1996.
- [Basmanov, M. I., G. A. Gerasimenko, K. V. Gusev. Aleksandr Fedorovich Kerenskii. Saratov: Izdatel'stvo Tšentral'noi Saratovskoi Akademii, 1996]
- Бурджалов, Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. Москва: Наука, 1967.
- [Burdzhalov, È.N. Vtoraiã russkaiã revoliutsiã. Vosstanie v Petrograde. Moskva: Nauka, 1967]
- Гапоненко, Л. С., Г. Л. Соболев, Ю.С. Токарев. «Американская публикация документов о Временном правительстве» Вопросы истории 5, 1963: 147–159.
- [Gaponenko L. S., G. L. Sobolev, IU. S. Tokarev. «Amerikanskiã publikatsiã dokumentov o Vremennom pravitel'stve». Voprosy istorii 5, 1963: 147–159]

- Голиков, А. Г. «Феномен Керенского». Отечественная история 5, 1992: 60–73.
 [Golikov, A. G. «Fenomen Kerenskogo». Otechestvennaia istoriia 5, 1992: 60–73]
- Иоффе, Г. З. Мистерия Керенщины. Чьи интересы защищал претендент в диктаторы. Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель. Сост. В.А. Иванов. Москва: Издательство политической литературы, 1989.
 [Ioffe, G. Z. Mistéria Kerenshchiny. Ch'i interesy zashchishchal pretendent v diktatory. Perepiska na istoricheskie temu: Dialog vedet chitateľ. Sost. V.A. Ivanov. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1989]
- Иоффе, Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. Москва: Наука, 1995.
 [Ioffe, G. Z. Semnadŕsatyĭ god: Lenin, Kerenskii, Kornilov. Moskva: Nauka, 1995]
- Иоффе, Г. З. «Эпилог керенщины». Вопросы истории 3, 1986: 92–99.
 [Ioffe, G.Z. «Ėpilog kerenshchiny». Voprosy istorii 3, 1986: 92–99]
- История всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Москва: Государственное издательство политической литературы, 1938.
 [Istoriia vsesoiuĕznoi kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Kratkii kurs. Pod red. komissii TSK VKP(b). Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1938]
- Колоницкий, Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа». Март – июнь 1917 года. Москва: Новое литературное обозрение, 2017.
 [Kolonitskii, B. I. «Tovarishch Kerenskii»: antimonarkhicheskaiā revoliuĕtsiia i formirovanie kul'ta «vozhdiā naroda». Mart – iuĕn' 1917 goda. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017]
- Минц, И. И. История Великого Октября. В 3-х т. Изд. второе. Москва: Наука, 1977.
 [Mintŕ, I. I. Istoriia Velikogo Oktiābriā. V 3-kh t. Izd. vtoroie. Moskva: Nauka, 1977]
- Пушкарева, И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. Отв. ред. В.Я. Лаверычев. Москва: Наука, 1982.
 [Pushkareva, I. M. Fevral'skaiā burzhuazno-demokraticheskaiā revoliuĕtsiia 1917 g. v Rossii. Otв. red. V.IĀ. Laverychev. Moskva: Nauka, 1982]
- Сверчков, Д. Ф. Керенский. 2-е изд. Ленинград: Прибой, государственная типография им. Е. Соколовой, 1927.
 [Sverchkov, D. F. Kerenskii. 2-e izd. Leningrad: Priboi, gosudarstvennaia tipografiia im. E. Sokolovoĭ, 1927]
- Сверчков, Д. Ф. Три метеора: Г. Гапон. Г. Носарь. А. Керенский. Ленинград: Прибой, 1926.
 [Sverchkov, D. F. Tri meteora: G. Gapon. G. Nosar'. A. Kerenskii. Leningrad: Priboi, 1926]
- Соболев, Г. Л. Александр Керенский. Штрихи к политическому портрету. Александр Керенский: любовь и ненависть революции. Дневники, статьи, очерки и воспоминания современников. Сост., вступ. ст. Г. Л. Соболева; научн. ред. Ю. П. Смирнов. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 1993.

- [Sobolev, G. L. Aleksandr Kerenskii. Shtrikhi k politicheskomu portretu. Aleksandr Kerenskii: liubov' i nenavist' revoliutsii. Dnevnik, stat'i, ocherki i vospominaniia sovremennikov. Sost., vstup. st. G. L. Soboleva; nauchn. red. IU. P. Smirnov. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta, 1993]
- Спирин, Л. М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. Москва: Мысль, 1987.
- [Spirin, L. M. Rossiia 1917 god: Iz istorii bor'by politicheskikh partii. Moskva: Mysl', 1987]
- Старцев, В. И. «Керенский: шарж и личность». Диалог 16, 1990: 76–86.
- [Startsev, V. I. «Kerenskii: sharzh i lichnost'». Dialog 16, 1990: 76–86]
- Старцев, В. И. «Российские масоны XX века». Вопросы истории 6, 1989: 33–50.
- [Startsev, V. I. «Rossiiskie masony XX veka». Voprosy istorii 6, 1989: 33–50]
- Старцев, В. И. «Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. (Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира)». История СССР 1, 1990: 139–155.
- [Startsev, V. I. «Russkoe politicheskoe masonstvo. 1906–1918 gg. (Dokumenty iz arkhiva Guverovskogo instituta voiny, revoliutsii i mira)». Istoriia SSSR 1, 1990: 139–155]
- Старцев, В. И. Русское политическое масонство начала XX века. Санкт-Петербург: Третья сила, 1996.
- [Startsev, V. I. Russkoe politicheskoe masonstvo nachala XX veka. Sankt-Peterburg: Tret'ia sila, 1996]
- Тютюкин, С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917). Москва: РОССПЭН, 2012.
- [Tiutiukin, S. V. Aleksandr Kerenskii. Stranicy politicheskoi biografii (1905–1917). Moskva: ROSSPEN, 2012]
- Федюк, В. П. Керенский. Москва: «Молодая гвардия», 2009.
- [Feduk, V. P. Kerenskii. Moskva: «Molodaiia gvardiia», 2009]
- Черменский, Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. Москва: Мысль, 1976.
- [Chermenskii, E. D. IV Gosudarstvennaia дума i sverzhenie tsarizma v Rossii. Moskva: Mysl', 1976]
- Четвертков, Н. В. «Несколько штрихов к портрету А.Ф. Керенского». Отечественная история 6, 2001: 135–144.
- [Chetvertkov, N. V. «Neskol'ko shtrikhov k portretu A.F. Kerenskogo». Otechestvennaia istoriia 6, 2001: 135–144]

ПРЕДСЕДНИК ПРИВРЕМЕНЕ ВЛАДЕ А. Ф. КЕРЕНСКИ И
ЊЕГОВ ЛИК У РЕВОЛУЦИЈИ 1917. ГОДИНЕ: ПАРАДОКСИ
РУСКЕ ИСТОРИОГРАФИЈЕ

Резиме

У раду се прати промена рецепције митологизације лика А. Ф. Керенског у догађајима револуције 1917. године код руских историчара. Аутор издваја кључне етапе тог процеса: релативна методолошка разноврсност двадесетих година XX века, догматизовање историјског знања у време „Кратког курса” ВКП(б), опрезни ревизионизам из периода „отопљавања”, те континуирана инерција совјетских приступа из семадсетих и осамдесетих година XX века. Поред тога, посебно се анализира преломни период с краја осамдесетих и деведетих година који је обележило оживљавање идеолошког плурализма, интересовање за тему масона и почетак активне деконструкције најустаљенијих митова (о бекству Керенског у женској хаљини, његовој завери с Корниловом и др.).

Долази се до закључка да је у савременој руској историографији дошло до озбиљног напретка: митови и гласине који окружују личност Керенског подлежу квалитативном преосмишљавању, те за истраживаче постају инструмент за проучавање друштвене свести и политичке културе револуционарне епохе.